

Л.В. ЖАРАВИНА
(Волгоград)

**ЭНЕРГЕТИКА ИМЕНИ
В ФОРМИРОВАНИИ
БИОГРАФИЧЕСКОГО ВИРТУАЛА**

Рассматривается феномен ономастической «игры» в виртуальном пространстве культуры, связанный с биографией, творческой судьбой и личностным своеобразием Варлама Шаламова и Сальвадора Дали. Ставится вопрос об углублении теоретико-методологических постулатов традиционного биографического метода в литературоведении, расширении его эвристического потенциала.

Ключевые слова: биография, биографический метод, ономастика, виртуализация, вероятностная логика, судьба, характер.

Биографический метод в литературоведении менее других подвержен воздействию субъективной рефлексии, поскольку по определению предполагает достоверную фактическую основу. В XX в. он с честью перенес «посягательства» фрейдизма и неопрейдизма, герменевтики, мифологизаторства, социологизма (в том числе и вульгарного) – всего того, что противоречит параметрам документального академического исследования. Тем не менее А.А. Демченко, создатель уникальной четырехтомной научной биографии Н.Г. Чернышевского (1978–1994), в настоящее время подчеркивает «настоятельную потребность» в разработке теоретических проблем данного жанра [4, с. 5–6].

Однако в современных условиях теоретический, как и любой иной, феномен более чем когда-либо предполагает, говоря словами крупнейшего мыслителя прошлого столетия В.В. Налимова, выход «за границы своей привычной семантической капсулизации» [7, с. 161]. «Мы уже устали от локальных моделей, тяготеющих над современным научным мировоззрением. Хочется вырваться на простор и с каких-то единых позиций увидеть то, что дано нам видеть. Увидеть же хочется прежде всего человека в его погруженности в этот мир – вы-

явить его внутреннюю сопричастность смыслам этого Мира, данным нам в процессе их творческого раскрытия» (Там же, с. 28). Среди прочих ученых-энциклопедист разработывал концепцию «вероятностного языка смыслов», связанную и с архитектурной личности (трансперсонализмом) и с проблемой включения дискретной творческой модели в континуум мировой культуры с ее бесконечно перекрещивающимися ценностными парадигмами.

Исходя из подобных постулатов, мы будем рассматривать процесс вероятностного художественного моделирования в семантическом поле виртуала, разумея под последним не техногенный артефакт, но философское учение о «бытии-возможности» (*Posset*), как его определил Николай Кузанский [6, с. 141]. В этом случае и актуализируется логика виртуальности, которая преодолевает узость рационально-эмпирической причинности, что, на наш взгляд, имеет непосредственную связь с биографическим методом: с одной стороны, не ставится под сомнение достоверность факта, с другой – расширяется его эвристический потенциал. Однако сам материал, к которому мы обратимся, с позитивистской точки зрения парадоксален. Это не осуществленная (да и не осуществимая по законам «земного тяготения»), а, значит, виртуальная встреча Варлама Шаламова и Сальвадора Дали, двух крупнейших мастеров XX в.

Конечно, искусствоведы нередко говорят о сходстве несходного, но в данном случае сопряжение имен обусловлено множеством факторов: общностью отдельных эстетических принципов, мотивно-образными сходжениями в творчестве, однотипностью психосемантической матрицы, обусловившей личностное своеобразие и некоторые формы его проявления, и т.п. Мы начнем с наиболее очевидного в биографическом плане: с ономастики (конечно, не в лингвистическом, а литературоведческом и культурологическом аспектах).

Как известно, великий каталонец благодарил судьбу «за две вещи»: за то, что он ис-

панец, и за то, что Сальвадор, т.е. Спаситель: «я призван спасти искусство от пустоты» [2, с. 247, 25]. Однако «трагическое чувство жизни» в крови (Там же, с. 296), объясняемое (в числе прочих причин) возложенной на него обязанностью нести, помимо собственного, крест умершего в трехлетнем возрасте брата, тоже Сальвадора, никогда не покидало художника. Его отец дон Сальвадор-и-Куси и мать донья Фелипа Доменич искренно считали будущего живописца реинкарнацией первенца, а сам он, уже «в чреве матери» ощущавший свою зависимость от умершего, смотрел на себя как на его неудачную копию.

Ситуация с именем Шаламова по своей драматической напряженности не лишена сходства: Варлаам – (халд.) сын Божий. Впрочем, и в «Колымских рассказах» один из основных героев, alter ego автора, носит непривычное для русского уха имя Крист, что, как отмечали исследователи, контаминирует *крест с Христом*.

Однако сам процесс имянаречения будущего писателя проходил в остром противоборстве между родителями. Надежде Александровне хотелось назвать сына Александром (в честь деда), но «победил» отец-священник, Тихон Николаевич, давший ребенку, родившемуся в день памяти преп. Варлаама (Новгородского) Хутынского, имя святого. Самому же писателю, как он признавался позднее, «предостаточно бы» называться «лучшим русским именем Иван» [11, т. 4, с. 138]. Однако крещенный Варлаамом, он «по звуковым соображениям» упростил имя, исключив «лишнюю букву “а”» (Там же, с. 14).

И все же объективно и, видимо, на уровне подсознания существуют прямые параллели между ним, Варлаамом (Варлаамом) Шаламовым, и его небесным покровителем, как и другими Варлаамами, оставившими след в истории христианства. С судьбой первого, который «кызде в пусто место» – «хутынъ», ассоциируются семнадцать лет Колымы [10, с. 331]. Плоть св. Варлаама Важского, или Шенкурского, отказывалась принять земля, как не принимала вечная мерзлота прах лагерников (Там же, с. 332). Писатель неоднократно писал о притягательности мертвого тела, о том, что он первый в мировой литературе описал «легкость будущего мертвеца» [11, т. 6, с. 491], в связи с чем вспоминается преп. Варлаам Керетский, выбравший после убийства жены особую форму покаяния: «с мертвым телом по морской пучине с места на место плавати» [8, с. 305].

Не менее впечатляет и созвучие, а значит, метафизически-иррациональное сходство женских имен в жизни наших героев. Уроженка Казани Елена Дмитриевна Дьяконова вошла в жизнь Дали как Гала, «уникальная мифологическая женщина», «сверхженщина» [3, с. 7]. Но и с формированием этого имиджа было не все гладко. Во-первых, повторилось родительское противостояние: будучи официально Еленой (по настоянию отца), в домашней обстановке она, согласно собственному желанию и желанию матери, называла себя Галей, что, как и всякое раздвоение, затрудняло личностную идентификацию [5, с. 20]. Галой Елена Дьяконова стала по приезду во Францию, где это имя ассоциировалось с атрибутами веселья, праздника, торжества, и таковой объявилась будущему супругу – поэту Полю Элюару. Однако, как считал Дали, она была знакома ему намного раньше, когда он, будучи подростком, в неизъяснимом чудесном видении угадал ее облик и душу в укутанной в белые меха русской девочке, уносимой на тройке от стаи свирепых волков [2, с. 44]. Тогда и всплыло в сознании имя *Галюшка*, напоминающее фонетически имя деда, донна Гало Дали Виньяса. «Галюшка Возрожденная» – мгновенно вспомнилось в процессе общения уже с реальной Галой, приехавшей в Кадакес со своим мужем (Там же, с. 132). С тех пор они не расставались. «Если бы я не встретил Галу, я кончил бы свой век в конуре, в отрепьях, изъеденный вшами...» (Там же, с. 249). Скорее всего, так бы и получилось.

Для Шаламова имя *Галина* было не менее привычным и притягательным. Во-первых, так звали его сестру, Галину Тихоновну, «красавицу и скромницу» [11, т. 4, с. 63], единственную из семьи, дожившую до освобождения брата. *Ты – связь времен, судеб и рода, / Ты простодушна и щедра / И равнодушна, как природа, / Моя последняя сестра*, – писал он в посвященном ей стихотворении (Там же, т. 3, с. 359). Кстати, Галина Тихоновна настойчиво приглашала бывшего колымского ссыльного переехать под жаркое солнце в Сухум, но тот, посетив ее, остался равнодушен к югу, да и позднее его не тронули экзотика Коктебеля и Ялты, где он отдыхал по литфондовским путевкам. Ни кавказский, ни крымский «Кадакес» – со скалами, коварными морскими прибоем, остатками полуразрушенных замков и прочими красотами природы Шаламову был не нужен. Его поэтическое перо воспело спокойное течение реки, породившее неожиданную связь с живописью: *Всю ночь мои портреты / Рисует мне река ... / Река способна лить*

ся / *Без славы и следа, / Диплома живописца / Не зная никогда* [11, т. 3, с. 199].

Однако и в этой, очень житейской, истории есть любопытный факт: оказывается, имя *Галина* было изменено по настоянию отца на «полутатарское “Гали”», «встреченное где-то на острове Кадьяк», т.е. на Алеутских островах Северной Америки, где началась миссионерская деятельность о. Тихона. Это, конечно, затрудняло заполнение многочисленных анкет, зато, по мнению священника, заставляло «подумать о смысле жизни или о русской истории или церковной истории». Писатель расценил данный акт как очередной отцовский «фокус» (Там же, т. 4, с. 137–138).

Что же касается другой, «главной» Галины, жены Галины Игнатьевны Гудзь, то отношения с ней сложились весьма драматично. Их брак длился более двадцати лет, хотя юридически Галина Игнатьевна развелась с мужем, когда тот был в заключении. Этот развод можно понять и оправдать: несмыслимое клеймо ЧСИРа автоматически ставило близких вне закона, заставляло любящих женщин выбирать между верностью мужчине и благополучием родных, прежде всего детей. Шаламов ситуацию понимал до мелочей и считал «подвиг» жены «не ниже деяний русских героинь 20-х годов прошлого столетия» (Там же, т. 6, с. 103). Тем не менее через три года после освобождения он с горечью констатировал: «пути наши слишком разошлись и на сближение нет никаких надежд» (Там же, с. 91). Да, Галина Гудзь не стала Галой Дали, хотя ей посвящались стихи, через нее осуществлялся творческий контакт с Борисом Пастернаком... И опять-таки любопытный момент: у Дали для его Галы были и другие созвучные имена: *Галерина* (по аналогии с Форнариной, с которой Рафаэлем написана «Сикстинская Мадонна» [2, с. 227]), *Гала Градива* (т.е. шествующая впереди, своеобразная «Одигитрия»), *Гала Галатея Безмятежная*, «блистательная, как морская гладь» [3, с. 6]. Даже поза Галы, – писал Дали, – «создает тишину, утоляет жажду и снимает тревогу» [1, с. 123].

У Шаламова, как видим, было иначе, но в стихотворении «Заклятье весной» любимую женщину (скорее всего, жену) поэт просит уподобиться «заморскому чуду», дробящему «лед кулаком», и явиться ему *как леди Годива, / Слепящая снегом глаза* [11, т. 3, с. 9]. К сожалению, ни в облике самоотверженной и

милосердной леди Годивы, ни в образе Градивы, указывающей путь из ада, никто не явился. Зато судьба, хотя и ненадолго, но одарила мученика-писателя явлением *его* Галы Галатеи. «Ты даешь мне ту жизнь, то понимание моих задач и моего маленького места в жизни, которого не было ни у кого из моих друзей», – писал Шаламов Ирине Павловне Сиротинской (Там же, т. 6, с. 450), его Беатриче, вдохновительнице-«соавтору», которая так же в соответствии с именем (Ирина – *мир, покой*) воспринималась писателем как «победительница хаоса» (Там же, с. 459), источник творческой гармонии.

Однако и на этом виртуальные ономастические «игры» не заканчиваются. Что же касается настоящего имени испанской Музы – *Елена*, то его носила дочь Варлама и Галины, Елена Варламовна. Не одобряя отцовских «фокусов» с крещением, Шаламов подчеркивал: «...уж дочь свою я назвал именем традиционным из традиционных – Елена» (Там же, т. 4, с. 138). Однако, воспитанная матерью по советским «казенным» правилам, принимая отцовскую сдержанность за «бесчувствие», девушка оказалась тем «орешком», который, по словам Шаламова, «надо было разгрызть» (Там же, т. 6, с. 103).

Однако данная ситуация также вписывается в образно-сопоставительный контекст. У Дали полотна «Вильгельм Телль», «Старость Вильгельма Телля», «Загадка Вильгельма Телля» составляют своеобразный триптих, где в «роли» легендарного стрелка выступает дон Сальвадор, целящийся, согласно интерпретации художника, не в яблоко на голове сына, а в него самого. Кроме того, на последней картине изображен орех, в сердцевине которого заключено крошечное дитя с лицом Галы. Его-то (а значит, ее) и грозит раздавить обутая в римскую сандалию железная ступня отца.

Шаламов же ни в коем случае не стремился «раздавить» беззащитный орешек неокрепшей души, хотя попытка установить родственную связь с дочерью была обречена на абсолютный провал с самого начала: «нельзя сказать, чтобы я не поломал зубов при этой операции», – признавался писатель [11, т. 6, с. 103]. Однако и здесь рано ставить точку: отношения *отец / дочь* Шаламовы явно проецируются на отношения *брат / сестра* Дали. «У меня был брат. У меня давно нет брата», – отвечала Ана Мария на расспросы любопытствующих [2, с. 480]. Заполняя официальные анкеты,

Елена Шаламова аналогичным образом писала, что ее отец умер, а на просьбу посторонних посетить его, действительно умирающего, уже умудренная жизнью женщина ответила: «Я не знаю этого человека» [9, с. 40].

Вероятно, за подобным негативизмом стояла личная правда двух столь различных женщин. Восхищенно и ласково воспроизведя детские годы Сальвадора-ребенка, которого Ана Мария преданно любила, закрыв глаза на небезупречное поведение избалованного брата, сестра до конца своих дней не смогла простить ему скандальных поступков: жестких высказываний о Ф.Г. Лорке, к которому она испытывала искреннее чувство; безграничной привязанности к Гале, а главное, как она считала, циничного оскорбления материнской памяти: на рисунке религиозного содержания художник, поистине боготворивший покойную мать, написал оскорбительную фразу [2, с. 358]. Не менее обижена за Галину Игнатьевну – «образец человека, преданности, человеколюбия» [11, т. 6, с. 92] – была Елена Шаламова и бессознательно, но упорно ревновала отца ко второй жене – писательнице О.С. Неклюдовой (Там же, с. 93, 95).

Еще одна параллель. Если Елена Шаламова игнорировала подробности лагерного жития отца, то у Аны Марии Дали большинство обвинений в адрес брата связаны с его сюрреализмом – «духовной бурей», «несчастьем», «злом и раздором», разрушившим семью [2, с. 553]. Истинную же, т.е. «обыкновенную», «не выдуманную» жизнь Сальвадора она считала «тайной за семью печатями» (Там же, с. 603), но ведь и для Шаламова, по его словам, семнадцать лет Колымы были «книгой за семью печатями» [11, т. 6, с. 361]: «будто пропиталась кровью бумага» (Там же, т. 2, с. 342).

Традиционные принципы биографического метода предполагают (насколько это возможно) выход на проблему творческого своеобразия личности. Сюрреалистические изломы образов души на полотнах брата та же Ана Мария связывает с «маской Дали», которую тот вынужден надевать и которая приросла к его лицу [2, с. 606, 608]. Но всегда ли это была только маска? В силу специфического мировидения художник воспринимал «наивысшую красоту» бытия как подобие «красоте смерти» [3, с. 178], что сформировало его эстетику и вылепило душу, которой ведомы и «чувство выси», и тяга к «безднам» [2, с. 53, 139]. Из аналогичных ан-

тиномий составлена и самохарактеристика Шаламова: *Орфей, спустившийся в ад, а не Плутон, поднявшийся из ада / Плутон, поднявшийся из ада, а не Орфей, спускавшийся в ад* [11, т. 5, с. 151]. Относительность данных противопоставлений у художника и писателя очевидна в процессе анализа их разноприродного творчества, но это отдельная большая тема.

Литература

1. Дали С. 50 магических секретов мастерства. М.: Эксмо, 2002.
2. Дали А.М. Сюрреализм – это Я. М.: Вагриус, 2005.
3. Дали С. Дневник одного гения. – М.: Эксмо, 2009.
4. Демченко А.А. Научно-биографическое изучение писателя: История. Методология. Типология: учеб. пособие по спецкурсу для студ. филол. фак. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005.
5. Компанец В.В. Проблема самоидентификации личности в условиях социокультурного вакуума // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 2 (17). С. 17–24.
6. Николай Кузанский. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1980. Т. 2.
7. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Акад. проект, 2011.
8. Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая / сост. и общ. ред. Л. Дмитриева, Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1989.
9. Сиротинская И.П. Мой друг Варлам Шаламов. М.: ООО ПКФ «Алана», 2006.
10. Христианство. Энциклопедический словарь: в 2 т. М.: Большая рос. энцикл., 1993. Т. 1.
11. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: TERRA – Книжный клуб, 2004–2005.

Energetics of name in biographic virtual formation

There is considered the phenomenon of the onomastic “play” in the virtual space of culture connected with the biography, creative life and personal originality of Varlam Shalamov and Salvador Dali. There is aroused the issue of intensification of theoretic and methodological postulates of the traditional biographic method in literature studies, widening of its heuristic potential.

Key words: *biography, biographic method, onomastics, virtualization, probability logic, fate, character.*